
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

С.А. МЯСНИКОВ*

**ПОЧЕМУ «КРЫМ – НАШ»: АНАЛИЗ ОБОСНОВАНИЯ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ
В.В. ПУТИНА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МИД РФ
С 2014 ПО 2018 г.**

Аннотация. В статье представлены результаты анализа обоснования решения о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в выступлениях президента РФ и представителей МИД РФ. Присоединение Крыма к России в 2014 г. стало индикатором изменения внешнеполитического курса РФ, что требовало официального обоснования на внешней и внутренней арене. Обоснование оказалось эффективным для внутренней аудитории, но его эффективность для аудитории внешней неоднозначна. С помощью инструментов теории стратегических нарративов изучено, как президент и представители МИД осуществляли обоснование, почему оно способствовало внутренней и могло осложнить внешнюю легитимацию. Определено, что акторы использовали способы обоснования «защита» и «контратака», которые преимущественно были основаны на апелляции к исторической памяти; защите русской культуры; защите прав крымчан; при этом формировался отрицательный образ Запада. Такое обоснование могло способствовать внутренней легитимации, однако мало учитывало культурные особенности международной аудитории. Вместе с тем особенности коммуникации по данному вопросу президента и представителей МИД РФ могли способствовать затиханию дискуссии о присоединении Крыма в международных коммуникациях. Эмпирической базой исследования являются 46 стенограмм выступлений президента РФ и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г., а также два документальных фильма, содержащих интервью В.В. Путина.

* Мясников Станислав Александрович, аспирант департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: smyasnikov@hse.ru

Ключевые слова: президент; МИД РФ; внешняя политика; легитимация политики; обоснование политики; стратегические нарративы; В.В. Путин; присоединение Крыма.

Для цитирования: Мясников С.А. Почему «Крым – наш»: анализ обоснования присоединения Крыма в выступлениях В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г. // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 234–255. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.12>

В марте 2014 г. 96,57% жителей Крыма, на тот момент еще являющегося частью Украины, на референдуме проголосовали за вхождение полуострова в состав России. Присоединение Крыма стало неординарным внешнеполитическим решением российской власти, которая прежде осуждала нарушение принципа прав территориальной целостности (в частности, не признала независимость Косово). «Крымская весна», по сути, продемонстрировала миру новый вектор внешней политики РФ. Правда, некоторые авторы полагают, что внешнеполитический курс России изменился еще в 2008 г., после Мюнхенской речи В.В. Путина [Марков, 2019; Пархитко, Мартыненко, 2018]. Действительно, в 2007 г. президент озвучил новые принципы российского внешнеполитического курса. Однако есть основания утверждать, что в 2014 г. произошли более серьезные изменения. Так, военный бюджет 2014 г. был увеличен вдвое по сравнению с бюджетом 2008 г. Внешнеполитическая концепция 2016 г., в отличие от концепций 2008 и 2013 гг., больше не содержит информации о странах Запада как об основных партнерах. Внимание акцентируется на внутрирегиональном сотрудничестве и собственных интересах.

Новый внешнеполитический курс нуждался в обосновании. На наш взгляд, обоснование политики способно влиять на обретение легитимности политики, которая может являться одним из факторов легитимности существующего порядка [см.: Мясников, 2019]. Также нарративы о собственных политических действиях являются одним из инструментов мягкой силы в международной коммуникации [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014]. Следовательно, обоснование политики для внешней аудитории может влиять на состояние межгосударственных отношений и принятие решений в международной среде.

Присоединение Крыма аргументировалось президентом, представителями МИД РФ, также интерпретировалось СМИ и ли-

дерами мнений. Обоснование оказалось эффективным для внутренней аудитории, о чем может свидетельствовать повышение рейтинга В.В. Путина [Широкалова, 2016] и данные соцопроса Левада-центра¹. Эффективность же обоснования для внешней аудитории не столь очевидна. С одной стороны, применение экономических и политических санкций против России свидетельствует о непринятии западными государствами российской внешнеполитической позиции. С другой стороны, политика санкций может соответствовать геополитическим и экономическим интересам США и ЕС. В конечном счете для адекватной оценки эффективности обоснования для внешней аудитории необходимо понимать, каким целям оно служило.

С 2014 г. было проведено большое количество исследований, посвященных присоединению Крыма к России. Например, посредством изучения нарративов дипломатов и негосударственных акторов выявлено, что дипломаты чаще используют правовые аргументы, а Крымский кризис не был решен из-за конфликтующих нарративов разных сторон [Faizullaev, Cornut, 2017]. В том числе вследствие неоднозначных трактовок международного права. Некоторые, преимущественно российские, авторы подчеркивают обоснованность и соответствие присоединения Крыма нормам, устанавливающим «право народов на самоопределение» [Томсинов, 2014; Власов, Брега, 2018]; западные ученые говорят о нарушении Россией международного права [Marxsen, 2014; Allison, 2014; Geiss, 2015; Grant, 2015]. Ученые сравнивают непризнание Крыма и признание Косово в контексте принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности. Например, В.Г. Барановский рассуждает о том, что Москва была солидарна с сербской позицией по Косово, и наоборот, поддержала «право народов на самоопределение» в Крыму, в противовес позиции Украины [Baranovsky, 2015]. А. Бебье полагает, что население Косово, в отличие от населения Крыма, подвергалось репрессиям, поэтому эти случаи несопоставимы [Bebier, 2015]. О.Г. Карпович придерживается другого мнения. Он считает, что крымчане имели право на самоопределение, а процедура проведения референдума

¹ Присоединение Крыма // Портал «Левада-Центр». – 2019. – 1 апреля. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kruma/> (дата посещения: 24.12.2019.)

соответствовала международным нормам [Карпович, 2015]. Ряд исследований посвящен рассмотрению крымского дискурса в СМИ. Так, С. Хатчингс и Дж. Шостек показали, что российские медиа в своем освещении крымских событий выделяют собственную идентичность России, основанную на культурно-исторической базе [Hutchings, Szostek, 2015]. Рассматривая возможные пути развития событий, Дж. Манкофф пришел к выводу о нарастании национализма в Украине и конфликта между российскими и украинскими элитами в результате присоединения Крыма к РФ [Mankoff, 2014]. Исследования показывают, каковы особенности приемов СМИ в формировании общественного мнения, каковы культурно-исторические, правовые и геополитические аспекты политики РФ. СМИ работают для более широкой аудитории, чем государственные акторы, при этом интерпретируют официальный дискурс первоисточников обоснования, который систематически не изучался. Однако именно президент и МИД РФ формируют, непосредственно осуществляют внешнюю политику и ее изначальное обоснование для аудитории.

Статья сосредоточена на анализе того, каким образом президент и представители МИД РФ обосновывали присоединение Крыма к России с 2014 по 2018 г. Изучение официального дискурса может показать, на чем основана политическая позиция, какова цель обоснования (что позволит оценить его эффективность); как оно изменялось; какие способы использовали акторы; как отличались официальный и дискурс СМИ; почему государственное обоснование могло оказаться эффективным внутри страны и эффективным или неэффективным для внешней аудитории.

Основанием исследования служит теория стратегических нарративов, которая позволяет понять, как акторы добиваются поставленной коммуникативной цели, на чем они основываются, формируя свою позицию в международных отношениях, за счет чего стратегические нарративы становятся привлекательными для аудитории. Сначала мы раскроем методологию исследования, затем выявим и проанализируем стратегические нарративы президента и представителей МИД, а также способы обоснования, которые использовали акторы.

Методология исследования

Авторы теории стратегических нарративов Л. Розелль, Б. О'Луглин и А. Мискиммон попытались развить концепцию мягкой силы Дж. Ная [Nye, 2009], рассматривая публично артикулируемые нарративы как инструмент достижения привлекательности и влияния на принятие решений в международной среде.

Стратегические нарративы представляют собой «репрезентацию последовательности событий и идентичностей, коммуникативный инструмент, посредством которого политические акторы пытаются придать определенное значение прошлому, настоящему и будущему с целью достижения политических целей» [Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013, p. 2]. Во-первых, данная теория помогает выявить особенности *обоснования*, под которым мы понимаем «одно из средств легитимации политики, направленное на формирование положительного отношения к политическому курсу посредством использования публичных коммуникативных и риторических средств...» [Мясников, 2019, с. 230]. Во-вторых, поскольку нарратив «...может основываться на эмоциональных компонентах культуры, ценностях...» [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014, p. 72], стратегические нарративы могут апеллировать как к международному праву, так и исторической памяти, символам, мифам, культуре. Изучение стратегических нарративов президента и представителей МИД позволяет не только понять основания внешнеполитической позиции РФ, но и объяснить различия в их привлекательности для внутренней и внешней аудитории.

Сравнивать и анализировать обоснование разных акторов можно посредством определения трех уровней связанных нарративов в их выступлениях. Такими уровнями являются – *system narrative (системный нарратив)* – служит для описания положения вещей, того, как «устроен мир», кто акторы в международной среде, каковы их действия. *National / identity narrative (национальный, нарратив идентичности)* – содержит рассказ о ценностях, идентичности актора, нации. *Issue narrative (нарратив о проблеме)* – информирует о том, какова политика и почему именно она нужна, как она осуществляется. *Нарратив о проблеме* встраивает действия государства в контекст, объясняя, кто основные акторы, в чем заключается конфликт или проблема, каков курс / план действий [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014, p. 76]. Выявляя и сравнивая

стратегические нарративы в выступлениях президента и представителей МИД, можно понять, на чем основано обоснование и как оно изменялось, как формируется привлекательность нарратива для аудитории.

Нарративы артикулируются в коммуникации с другими агентами, чьи нарративы могут противоречить собственному поведению актора, т.е. в агрессивной коммуникативной среде [см.: Почепцов, 2001]. Определение способов обоснования (см. табл. 1) позволит выявить, каким было коммуникативное поведение президента и представителей МИД в условиях наличия альтернативных агентов и источников информации.

Таблица 1

Способы обоснования политики и индикаторы

Способы обоснования в агрессивной коммуникативной среде	Индикатор
1. Игнорирование	Отсутствие обоснования
2. Принятие обвинения	Согласие с неправомерностью собственных действий, оправдательный нарратив
3. Защита	Отрицание собственной вины, нарратив о необоснованности обвинений
4. Контратака	Нарратив о неправомерности и неприемлемости действий оппонента, о собственной вине оппонента, предъявление обвинений

Обоснование присоединения Крыма к РФ для внешней аудитории осуществлялось в контексте, в котором российские действия в Крыму не одобрялись изначально. России предъявлялись обвинения в аннексии Крыма. Западные и российские нарративы противоречили друг другу, имея под собой разные основания. Коммуникативная среда внутри страны не была агрессивной, оппонировавшие нарративы практически отсутствовали, однако СМИ формировали образ «врага – Запада» [см.: Hutchings, Szostek, 2015], а государственные акторы, чтобы дать собственную трактовку западным нарративам, могли использовать схожие способы обоснования для внутренней легитимации присоединения Крыма. Индикатором для выявления четырех описанных способов обоснования является содержание нарративов, которое охарактеризовано в приведенной таблице.

Эмпирической базой исследования служат два документальных фильма, включающих интервью президента РФ, 15 стенограмм выступлений В.В. Путина с 2014 по 2018 г., среди которых 11 – на официальных и неофициальных мероприятиях, две пресс-конференции, два интервью печатным изданиям; 11 стенограмм выступлений министра иностранных дел С.В. Лаврова; 13 стенограмм выступлений постпреда РФ при ООН В.И. Чуркина; одна стенограмма выступления постпреда РФ при ООН В.А. Небензи; две стенограммы выступлений представителя РФ А.Д. Викторова. Данные источники были найдены при помощи поисковых систем порталов «Президент России», «МИД РФ», «Постоянное представительство РФ при ООН» согласно тематике и заданным хронологическим рамкам поиска.

Разделение дискурса президента и представителей МИД по принципу «на внешней, внутренней аренах» условно, поскольку СМИ транслируют выступления для разных аудиторий. Публика обладает доступом к широкому кругу источников информации, которые предлагает «новая коммуникативная среда» [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014, p. 77]. Люди становятся более критичными в отношении нарративов, что порождает их соперничество (contestation). Следовательно, для того чтобы собственный нарратив мог стать привлекательнее, чем нарратив оппонента, акторы должны учитывать не только культурные особенности публики, но и уже существующие дискурсы, которые люди склонны воспринимать положительно или отрицательно.

На первом этапе осуществлялось описательное и тематическое кодирование речей, затем выделялись три уровня стратегических нарративов – повторяющихся или нет – в выступлениях акторов особых повествований, описывающих события и действия одинаковым образом, содержащих схожие ключевые сюжеты. На основе выявленных нарративов определялись основания нарративов и способы обоснования, используемые акторами.

Системные нарративы

Системный нарратив объясняет, как устроена «система» – кто основные акторы, каковы их позиции и действия, как «устроен

мир». Основные системные нарративы, используемые президентом и представителями МИД РФ, отражены в табл. 2.

Таблица 2

Системные нарративы в выступлениях В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г.

Системные нарративы	Использование президентом	Использование представителями МИД
Конституционный переворот на Украине, поддержанный Западом	+	+
Продолжение холодной войны	+	–
Крым – часть России	+	+
Косово	+	+
Запад нарушает международное право	–	+

События февраля и марта 2014 г. описываются нарративом «Конституционный переворот на Украине, поддержанный Западом», который возник в феврале 2014 г. и содержательно не изменялся, лишь дополнялся аргументами о вине западных государств. Повествование строится на том, что действия Запада стали причиной для вхождения Крыма в РФ. США и ЕС вмешались в дела Украины, поддержали радикальные политические движения и новую националистскую власть, что стало неприемлемо для России и жителей Крыма. Запад обвиняли в безответственности и расколе Украины, в совершенной ошибке – поддержке Майдана¹. В 2018 г.,

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации в Украине // Президент России. – 2014. – 4 марта. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20366> (дата посещения: 12.06.2019.); Кондрашев А.О. Фильм «Крым. Путь на родину» // Россия 1. – 2015. – 15 марта. – Режим доступа: https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195/ (дата посещения 12.06.2018.); Путин В.В. Интервью немецкому изданию Bild // Президент России. – 2016. – 11 января. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/51154> (дата посещения: 12.06.2018.); Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2016. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/53573> (дата посещения: 12.06.2018.); Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, Москва // МИД РФ. – 2014. – 14 апреля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/65830 (дата посещения: 12.06.2018.); Ответное слово Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на

в интервью В. Соловьеву, президент раскрыл не упоминаемые ранее факты. Запад попросил повлиять на В. Януковича, чтобы к протестующим на Майдане не применялась сила, а через день произошел переворот. Получается, что Запад обманул Россию, которая исполнила свою часть договоренности. «Кто-то сознательно подвел нас к такой черте, оказавшись на которой мы должны были действовать так, как мы действовали»¹. Такое изложение событий формировало образ нелегитимных действий Запада, что соответствует способу обоснования, который мы определили как «контратаку».

МИД артикулировал отрицательный «образ Запада», апеллируя к международному праву (нарратив «Запад нарушает международное право»): его представители утверждали, что ЕС и США давят на другие страны в ООН, преследуют «неоимперские традиции», действуют против прав человека и не соблюдают международные правовые акты². Здесь основным способом обоснования также выступала «контратака».

Обсуждая присоединение Крыма, В.В. Путин описывал состояние международных отношений нарративом «продолжающаяся холодная война»: он обвинял Запад в противодействии РФ и шантаже, говорил об агрессии НАТО у границ России³. Демонст-

заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на востоке Украины // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2017. – 2 февраля. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_gp0202 (дата посещения: 12.06.2018.)

¹ Соловьев В.П. Фильм «Миропорядок» // Портал «YouTube». – 2018. – 25 марта. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=kpAH0m14Kwg> (дата посещения: 12.06.2019.)

² Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Вести в субботу с Сергеем Брилевым», Москва / МИД РФ. – 2014. – 29 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJWVmR/content/id/68466 (дата посещения: 01.08.2019.)

³ Путин В.В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей России // Президент России. – 2014. – 1 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46131> (дата посещения: 12.06.2018.); Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2014. – 18 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/47250> (дата посещения: 12.06.2018.); Кондрашев А.О. Фильм «Крым. Путь на родину» // Россия 1. – 2015. – 15 марта. – Режим доступа: https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195/ (дата посещения: 12.06.2018.); Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2015. – 3 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50864> (дата посещения: 12.06.2018.); Соловьев В.П. Фильм

рируя предубежденность Запада, Путин доказывал, что Россия вынуждена защищать собственные интересы. При этом президент, в частности, использовал близкий россиянам образ медведя: «Может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько... Может быть, его в покое оставят? Не оставят... будут всегда стремиться... посадить его на цепь»¹. Данный нарратив, с одной стороны, формирует образ миропорядка, основанного на соперничестве, а с другой – подчеркивает необходимость защиты собственных интересов. Россия выступает здесь как сторона, которая не делает ничего плохого, однако ее провоцируют, а «провоцировать медведя опасно». Этот нарратив совмещает два способа обоснования – «контратаку» и «защиту». Представители МИД данный нарратив не использовали.

Нарратив «Крым – часть России», который использовали оба актора, основан на итогах референдума, демонстрирующих волю народов Крыма, которую исполнила Россия². Представители МИД после 2015 г. обращались к свернутой форме данного нарратива, апеллируя к немецкому социологическому опросу³, результаты которого показали, что 93% граждан Крыма поддерживают вхождение полуострова в состав России⁴. Во-первых, независимый не-

«Миропорядок» // Портал «YouTube». – 2018. – 25 марта. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=кpАН0m14Kwg> (дата посещения: 12.06.2019.)

¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – 2014. – 18 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/47250> (дата посещения: 12.06.2018.)

² Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 2014. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603> (дата посещения: 12.06.2019.)

³ Oriental Review German Sociologists on Crimea's choice // «OrientalReview.org». – 2015. – February. – Mode of Access: <https://orientalreview.org/2015/02/10/german-sociologists-on-crimeas-choice/> (accessed: 13.11.2019.)

⁴ Первое ответное слово Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2015. – 17 февраля. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_rs1702 (дата посещения: 01.08.2019.); Первое ответное слово Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2015. – 6 марта. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_rp1 (дата посещения: 01.08.2019.); Ответное слово Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на востоке Украины // Портал «Постоянное Представительство РФ при

мецкий социологический опрос как бы подтверждает позицию РФ, во-вторых, использование свернутого нарратива показывает нежелание дискутировать на этот счет. В данном случае способом обоснования является «защита».

И президент, и представители МИД использовали нарратив «Косово», подчеркивая непоследовательность международных партнеров. Так, посол России в ООН В. Чуркин в выступлении на Совете Безопасности заявлял: «Некоторые страны, выступающие сейчас против волеизъявления крымчан, поспешили признать независимость Косово, провозглашенную, кстати, даже без референдума, просто решением парламента»¹. Напоминал об этом казусе и Путин: «В одном месте, в Косово, можно волю народа исполнить, а здесь нельзя. Это все – политические игрища»². Данный нарратив апеллирует к двойным стандартам в трактовке «права на самоопределение» и «территориальной целостности», тем самым обвиняя международное сообщество в несправедливом отношении к воле крымчан. В этом контексте способом обоснования являлась «защита» – оправдание своих действий через апелляцию к похожему кейсу обеспечения «права народа на самоопределение», который был легитимирован на международной арене. Следует напомнить, что Россия и сама не признала независимость Косово, что не помешало ее официальным лицам использовать этот казус для аргументации присоединения Крыма. При этом Путин и МИД подчеркивали, что в Косово, в отличие от Крыма, не было референдума. Тем самым присоединение Крыма было более легально, чем отделение Косово.

Системные нарративы президента и представителей МИД формируют образ Запада-агрессора, который преследует свои интересы, нарушая права человека, вмешиваясь в дела суверенной

ООН». – 2017. – 2 февраля. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_rp0202 (дата посещения: 01.08.2019.)

¹Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_ukrn1303 (дата посещения: 01.08.2019.)

²Путин В.В. Интервью международному информационному холдингу «Блумберг» // Президент России. – 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (дата посещения: 12.06.2018.)

Украины. Нарративы основаны на непринятии западной политики и защите интересов России. Способами обоснования являются «защита» – утверждение своей позиции как необходимой для противодействия недружественной политике Запада; «контратака» – обвинение Запада в несправедливых и неправомερных действиях. Способы обоснования и системные нарративы максимально активно использовались в выступлениях 2014 и начала 2015 г. Позднее представители МИД свернули нарратив «Крым – часть России» до формулировки 93%, вероятно для того, чтобы неудобный «крымский дискурс» постепенно уходил с повестки.

Системные нарративы официального дискурса схожи с нарративами дискурса медийного. СМИ формировали отрицательный образ Запада, заявляли о двойных стандартах в политике, создавали образ России – суперсилы в международной сфере [см.: Hutchings, Szostek, 2015]. Тем не менее государственные акторы делали это менее эмоционально, предлагая собственную трактовку международного права.

Национальные нарративы

Национальные нарративы апеллируют к ценностям, национальным идеям, идентичностям. Использование данных нарративов объясняет политику через важность ее национально ориентированной составляющей для государства и народа.

Таблица 3

Национальные нарративы в выступлениях В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г.

Национальные нарративы	Использование президентом	Использование представителями МИД
Единство	+	–
Возвращение домой – восстановление исторической справедливости	+	+
Херсонес	+	–

Национальные нарративы в большей степени использовались президентом, который как бы выступил «отцом нации», несущим ответственность за народ, апеллируя к патерналистским установкам россиян. Так, В.В. Путин активно применял нарратив

«единство», который изначально акцентировал близость народов России и Украины: Украина и Россия – братские республики, единый народ¹; Россия и Украина – близкие родственники². После референдума, который Украина и Запад не одобрили, сюжет стал строиться на близости народов России и Крыма – «родные берега... связь поколений и времен... героические предки... исторические истоки духовности и государственности... единый народ... сплоченная нация»³. Используя данный нарратив, спикеры стремились вызвать сострадание к «таким же, как мы» в сложной ситуации. В свою очередь, СМИ апеллировали к защите «соотечественников» [см.: Hutchings, Szostek, 2015]. Соответственно, способ обоснования здесь – «защита»: действия РФ объяснялись близостью России и народов Крыма.

В.В. Путин также обосновывал культурно-символическую значимость Крыма для России через нарратив «Херсонес», формулируя миф о «русской Мекке», где крестился Князь Владимир, где исток русской цивилизации⁴.

Нарратив «возвращение домой – восстановление исторической справедливости» использовался и президентом, и представителями МИД. Вероятно, акторы полагали, что аргумент о незаконном отчуждении Крыма от России советской властью мог быть уместен как для внутренней, так и для внешней аудитории. «Крым... был неотъемлемой частью нашей страны. И только волюнтаристское решение руководства СССР... передавшего Крым и Севастополь Украинской республике... нарушило это естествен-

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации в Украине // Президент России. – 2014. – 4 марта. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20366> (дата посещения: 12.06.2019.)

² Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2014. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603> (дата посещения: 12.06.2019.)

³ Кондрашев А.О. Фильм «Крым. Путь на родину» // Россия 1. – 2015. – 15 марта. – Режим доступа: https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195/ (дата посещения 12.06.2018.)

⁴ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2014. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603> (дата посещения: 12.06.2019.); Путин В.В. Встреча с ученым и общественными деятелями Севастополя и Крыма // Президент России. – 2017. – 18 августа. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55365> (дата посещения: 12.06.2018.)

ное состояние... Крым отрезали от России ‘по живому’»¹, т.е. теперь, с возвращением Крыма в РФ, восстановлена историческая справедливость. «В Россию, к себе на Родину, возвратились Крым и Севастополь»². Исторически территория Крыма была российской, а Россия, согласно международному праву, обеспечила «право народов на самоопределение», тем самым народы, проживающие в Крыму, в результате референдума «вернулись в Россию». Здесь также используется «защита» – действия РФ оправдываются апелляцией к исторической памяти, стремлением вернуть «свое» и собственной трактовкой международного права, согласно которой формальные процедуры обеспечения «права народов на самоопределение» были соблюдены, т.е. РФ поступила благородно по отношению к исторически своему народу.

Национальные нарративы могли иметь большое значение для внутренней аудитории, поскольку апеллировали к русской идентичности, следовательно, люди одобрили политику, ориентированную на защиту общей культуры и истории. Аргументация через национальный интерес, стремление «вернуть свое» и защиту ценностей могла способствовать положительному отношению к присоединению Крыма внутри страны. Изначальное содержание национальных нарративов и способы обоснования не изменялись на протяжении 2014–2018 гг.

Нарративы о проблеме

Нарратив о проблеме (issue narrative) объясняет, для решения какой проблемы и как проводится политика, в частности, что произошло и почему Крым был принят в состав РФ.

¹Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2014. – 27 марта. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/ga_ukr (дата посещения: 01.08.2019.)

²*Путин В.В.* Выступление на торжественном приеме по случаю национального праздника – Дня России // Президент России. – 2014. – 12 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/45899> (дата посещения: 12.06.2018.)

Таблица 4

Нарративы о проблеме в выступлениях В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г.

Нарративы о проблеме	Использование президентом	Использование представителями МИД
Радикалы получили власть на Украине	+	+
Россия обеспечивает права человека в Крыму	+	+
Угроза ограничения доступа к Черному морю	+	–
Защита «русского мира»	+	+

Подход к обоснованию присоединения Крыма через нарративы о проблеме президента и представителей МИД был одинаковым и не изменялся с 2014 по 2018 г.

Повествование «Радикалы получили власть на Украине» основано на том, что русские в Крыму находились в опасности, которая исходила от противоправно действующих радикалов¹, поэтому Россия не могла «бросить людей под каток националистов»². В данном случае использовался способ обоснования – «защита» – объяснение своих действий через апелляцию к обеспечению «права на жизнь». Нарратив построен на том, что Россия физически защитила крымчан.

Похожий способ обоснования характерен и для нарратива «Россия обеспечивает права человека в Крыму», который объясняет роль РФ в обеспечении прав человека, провозглашенных уставом и декларациями ООН. Так, существовала угроза дискриминации русских и лишения их прав на «русский язык». Кроме того, права русских, венгров, болгар и украинцев, населяющих Крым, теперь обеспечены благодаря российскому суверенитету³. Здесь

¹ Вступительное слово и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с Госсекретарем США Дж. Керри, Лондон / МИД РФ. – 2014. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/70650 (дата посещения: 01.08.2019.)

² Кондрашев А.О. Фильм «Крым. Путь на родину» // Россия 1. – 2015. – 15 марта. – Режим доступа: https://russia.tv/brand/show/brand_id/59195/ (дата посещения 12.06.2018.)

³ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – 2014. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603> (дата посещения: 12.06.2019.); Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – 2015. –

использовался способ – «защита» – объяснение своих действий, через апелляцию к обеспечению Российской Федерацией «прав человека», которые нарушаются Украиной, для всех народов в Крыму.

Такой же способ обоснования выявлен в случае нарратива «защита ‘русского мира’» – он апеллировал к защите культуры, исторической памяти, которые находились под угрозой. При этом концепт «русский мир» использовался расширительно – не обязательно применительно к этническим русским, но и к тем, кто считает себя русскими¹. Подчеркивалось, что «оказание всемирной поддержки русскому миру – безусловный приоритет внешнеполитического курса РФ...»². Тем самым власти РФ дали понять, что будут, в случае необходимости, оказывать поддержку русским по всему миру.

3 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50864> (дата посещения: 12.06.2018.); Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине // Портал «Постоянное Представительство РФ при ООН». – 2014. – 3 марта. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_ukr0303 (дата посещения: 01.08.2019.); Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине // Постоянное Представительство РФ при ООН. – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: http://russiaun.ru/ru/news/sc_ukrn1303 (дата посещения: 01.08.2019.); Вступительное слово и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с Госсекретарем США Дж. Керри, Лондон / МИД РФ. – 2014. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/70650 (дата посещения: 01.08.2019.); Владимир Путин выступил на пленарном заседании Государственной Думы // Президент России. – 2016. – 22 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/52830> (дата посещения: 12.06.2018.)

¹ Путин В.В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей России // Президент России. – 2014. – 1 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46131> (дата посещения: 12.06.2018.)

² Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, Москва / МИД РФ. – 2014. – 14 апреля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/65830 (дата посещения: 01.08.2019.)

В отличие от представителей МИД, В.В. Путин использовал нарратив «угроза ограничения доступа к Черному морю»: по его словам, мы «не могли допустить, чтобы был существенно ограничен наш доступ к акватории Черного моря... пришли бы войска НАТО и был кардинально изменен баланс сил в Причерноморье»¹. Данный нарратив также не упоминается Хатчингсом и Шостек в контексте дискурса СМИ. Вероятно, президент и МИД не хотели акцентировать внимание (в публичном поле) на силовой составляющей и геополитических интересах страны, поскольку это могло сыграть не на пользу в условиях всесторонних обвинений России в агрессии.

Таким образом, нарративы о проблеме демонстрируют, что использовалось обоснование «защита», а необходимость действий России в Крыму описывалась, во-первых, через апелляцию к обеспечению «права на жизнь» крымчан, во-вторых, для защиты прав человека, таких как право на язык и самоопределение. В-третьих, для защиты «русского мира» – русской культуры и цивилизации.

Видно, как нарративы системного и национального уровня определяют нарративы о проблеме. Президент и МИД говорят о том, что ЕС и США создали условия, в которых возникла нестабильность на Украине. Крым, являясь частью Украины, по сути, был изначально российским, поэтому отношение у России к нему особенное. Исходя из угрозы российской культуре и народу Крыма, особая ответственность РФ перед крымчанами побудила Россию принять решение о присоединении Крыма «под крыло» своего суверенитета.

Нарративы о проблеме содержательно не изменялись на протяжении 2014–2018 гг. Президент и МИД использовали их более активно в 2014 и 2015 гг. После 2015 г. данные нарративы были свернуты, что, вероятно, указывает на нежелание акторов процировать «ненужные» дискуссии в СМИ.

¹ Путин В.В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей России // Президент России. – 2014. – 1 июля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/46131> (дата посещения: 12.06.2018.)

Заключение

Нарративы системного уровня президента В.В. Путина и представителей МИД РФ с 2014 по 2018 г. формируют «образ мира», в котором Запад действует нелегитимно и против интересов России, вопреки международному праву вмешивается в дела Украины, оказывает давление на страны в ООН. Значимость Крыма для России формулируется через национальные нарративы об общей цивилизационной основе, историческом прошлом. Нарративы о проблеме объясняют присоединение Крыма необходимостью защищать геополитические интересы, русскую культуру, жизнь людей в Крыму и их права. Крым вошел в состав России, опираясь на «право народов на самоопределение», а процедуры были соблюдены в соответствии с международными нормами. На этом основывалась внешнеполитическая позиция РФ.

И президент, и МИД использовали способы обоснования «защита» и «контратака», оправдывая свои действия, предъявляя обвинения Западу. Тем не менее представители МИД старались в большей степени использовать аргументацию через собственную трактовку права. Реже, чем президент, но все же апеллировали и к культурно-символическому значению Крыма для России. В сравнении с дискурсом СМИ, изученным Хатчингсом и Шостек [Hutchings, Szostek, 2015], официальный дискурс менее «агрессивен», менее эмоционально окрашен, больше аргументирован.

Теория стратегических нарративов говорит о необходимости учитывать нарративы оппонента, а при формулировании собственных «...находить нарративы, которые могут быть обращены к аудиториям, имеющим разные интересы...» [Roselle, Miskimmon, O'Loughlin, 2014, p. 80]. Президент и представители МИД не стремились ответить на западный нарратив, развивавший иную трактовку международных норм. Можно предположить, что целью обоснования была не легитимация внешнеполитической позиции для внешней аудитории, а заявление о новом внешнеполитическом векторе развития РФ, вне зависимости от мнения международного сообщества.

Также российская историческая память, культурная близость России и Крыма могли быть слабыми аргументами для международной аудитории. Как следствие непринятия российской позиции на Западе, масштабный охват и участие в международной комму-

никации создали новые риски и уязвимости [см.: Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013, p. 11], такие, как частичная международная изоляция РФ, экономические санкции. Однако, вероятно, именно такое обоснование привело к внутренней легитимации, сформировав образ независимой политики России в «агрессивной коммуникативной среде». Помощь населению Крыма могла отвечать запросу российской аудитории.

Акторам удалось продемонстрировать образ России как независимого международного игрока, преследующего свои интересы, свою политическую волю. В то же время способы обоснования «Крымской весны», а также свертывание нарративов в определенной степени привели к «утиханию» вопроса о присоединении Крыма в международном дискурсе. Исходя из предположения о том, что целью внешней легитимации было заявление независимой российской позиции, обоснование присоединения Крыма может считаться в каком-то смысле успешным не только для внутренней, но и для внешней аудитории.

Список литературы

- Власов А.А., Брега А.В.* Крым и политика легитимности в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 1. – С. 26–41. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-26-41>
- Карпович О.Г.* Анализ Косовского и Крымского прецедентов в контексте реализации права народов на самоопределение // Международные отношения. – 2015. – № 4. – С. 377–384.
- Марков Е.А.* Истоки конфронтации со странами Запада и мюнхенская речь Владимира Путина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2019. – № 1. – С. 104–113.
- Мясников С.А.* Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 222–235. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>
- Пархитько Н.П., Мартыненко Е.В.* Геополитические аспекты речи В.В. Путина на 43-й мюнхенской конференции по безопасности. К 10-й годовщине с момента события // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 7–20. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-7-20>
- Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К. Ваклер, 2001. – 656 с.
- Томсинов В.А.* «Крымское право», или Юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия Право. – 2014. – № 5. – С. 3–31.

- Широкалова Г.С.* Парадокс современной России: высокий рейтинг президента на фоне отчуждения от государства // Конфликтология. – 2016. – № 3. – С. 80–91.
- Allison R.* Russian ‘deniable’ intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules // International affairs. – 2014. – Vol. 90, N 6. – P. 1255–1297. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12170>
- Baranovsky V.* From Kosovo to Crimea // The international spectator. – 2015. – Vol. 50, N 4. – P. 275–281. – DOI: <https://doi.org/10.1080/03932729.2015.1092677>
- Bebier A.* Crimea and the Russian-Ukrainian conflict // Romanian journal of European affairs. – 2015. – Vol. 15, N 1. – P. 35–54.
- Faizullaev A., Cornut J.* Narrative practice in international politics and diplomacy: the case of the Crimean crisis // Journal of the international relations and development. – 2017. – Vol. 20, N 3. – P. 578–604. – DOI: <https://doi.org/10.1057/jird.2016.6>
- Geiss R.* Russia’s annexation of Crimea: The mills of international law grind slowly but they do grind // International law studies. – 2015. – Vol. 91, N 1. – P. 426–447.
- Grant T.D.* Annexation of Crimea // American journal of international law. – 2015. – Vol. 109, N 1. – P. 68–95. – DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.109.1.0068>
- Hutchings S., Szostek J.* Dominant narratives in Russian political and media discourse during the Ukraine crisis // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda, perspectives / S. McGlinchey, M. Karakoulaki, R. Oprisko (eds). – Bristol: E-international relations, 2015. – P. 183–196.
- Mankoff J.* Russia’s latest land grab: How Putin won Crimea and lost Ukraine // Foreign affairs. – 2014. – Vol. 93, N 3. – P. 60–68.
- Marxsen C.* The Crimea crisis – the international law perspective // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. – 2014. – Vol. 74, N 2. – P. 367–391.
- Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L.* Strategic narratives: Communication power and the new world order. – New York: Routledge, 2013. – 240 p.
- Nye J.* Soft power: the means to success the world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2009. – 208 p.
- Roselle L., Miskimmon A., O’Loughlin B.* Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, war & conflict. – 2014. – Vol. 7, N 1. – P. 70–84. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>

S.A. Myasnikov*

Why «Crimea is Russian»: analysis of the justification of Crimea joining Russia in the speeches of V.V. Putin and Russian MFA representatives

Abstract. This article presents the results of the analysis of justification of annexation of Crimea to Russia in speeches of president Putin and ministry of foreign affairs representatives. The annexation of Crimea in 2014 was an indicator of foreign policy change, which needed an official justification at domestic and foreign arenas. It

* **Myasnikov Stanislav**, National Research University ‘Higher School of Economics’ (Moscow, Russia), e-mail: smyasnikov@hse.ru

proved to be quite successful inside Russia, but abroad. By using the instruments of strategic narratives theory, this article reveals how the president and MFA representatives provided justification of the annexation of Crimea; why it was legitimized domestically; and what the goal for the justification at international level was analyzed. The actors' main justification strategies were defined as 'defense' and 'counter-attack'; they appealed to historical memory; defense of Russian culture; defense of the Crimean people's rights. Simultaneously, a negative image of the West was constructed. Such a justification could help domestic legitimation, but did not consider the cultural features of the international audience. The justification could lead to a reduction of interest in the Crimean Spring internationally. The empirical base of the study was 46 transcripts of V.V. Putin and MFA representatives from 2014 to 2018, as well as 2 documentaries containing V.V. Putin's interviews.

Keywords: president; MFA of Russia; foreign policy; policy legitimation; policy justification; strategic narratives; Putin; Crimea.

For citation: Myasnikov S.A. Why 'Crimea is Russian': analysis of the justification of Crimea joining Russia in the speeches of V.V. Putin and Russian MFA representatives. *Political Science (RU)*. 2019, N 2, P. 234–255. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.12>

References

- Allison R. Russian 'deniable' intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules. *International Affairs*. 2014, Vol. 90, N 6, P. 1255–1297. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12170>
- Baranovsky V. From Kosovo to Crimea. *The International Spectator*. 2015, Vol. 50, N 4, P. 275–281. DOI: <https://doi.org/10.1080/03932729.2015.1092677>
- Bebier A. Crimea and the Russian-Ukrainian conflict. *Romanian Journal of European affairs*. 2015, Vol. 15, N 1, P. 35–54.
- Faizullaev A., Cornut J. Narrative practice in international politics and diplomacy: the case of the Crimean crisis. *Journal of the international relations and development*. 2017, Vol. 20, N 3, P. 578–604. DOI: <https://doi.org/10.1057/jird.2016.6>
- Geiss R. Russia's annexation of Crimea: The mills of international law grind slowly but they do grind. *International law studies*. 2015, Vol. 91, N 1, P. 426–447.
- Grant T.D. Annexation of Crimea. *American journal of international law*. 2015, Vol. 109, N 1, P. 68–95. DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.109.1.0068>
- Hutchings S., Szostek J. Dominant narratives in Russian political and media discourse during the Ukraine crisis. In: McGlinchey S., Karakoulaki M., Oprisko R. (eds.) *Ukraine and Russia: people, politics, propaganda, perspectives*. Bristol: E-international Relations, 2015, P. 183–196.
- Karpovich O.G. Analysis of Kosovo and Crimea precedents in the context of realization of self-determination rights. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2015, N 4, P. 377–384. (In Russ.)
- Mankoff J. Russia's latest land grab: How Putin won Crimea and lost Ukraine. *Foreign Affairs*. 2014, Vol. 93, N 3, P. 60–68.

- Markov E.A. The origins of confrontation with Western countries and the “Munich speech” of Vladimir Putin. *IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science*. 2019, N 1, P. 104–113. (In Russ.)
- Marxsen C. The Crimea crisis – the international law perspective. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2014, Vol. 74, N 2, P. 367–391.
- Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic narratives: Communication power and the new world order*. London: Routledge, 2013, 240 p.
- Myasnikov S.A. Legitimation and justification of policy: the analysis of conceptual distinction. *Political Science (RU)*. 2019, N 3, P. 222–235. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12> (In Russ.)
- Nye J., *Soft power: the means to success the world politics*. New York: Public Affairs, 2009, 208 p.
- Parkhitko N.P., Martynenko E.V. Global political aspects of Putin's speech at the 43-th Munich security conference. One-decade past. *RUDN Journal of Political Science*. 2018, Vol. 20, N 1, P. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-7-20> (In Russ.)
- Pochepstov G.G. *Theory of communication*. Moscow: Refl-buk, 2001, 656 p. (In Russ.)
- Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic narrative: A new means to understand soft power. *Media, War & Conflict*. 2014, Vol. 7, N 1, P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>
- Shirokalova G.S. The paradox of modern Russia: high rating of the president against the background of alienation from the state. *Konfliktologiya*. 2016, N 3, P. 80–91. (In Russ.)
- Tomsinov V.A. «Crimean law» or legal basis for the reunification of the Crimea and Russia. *The Moscow university herald. Series 11. Law (Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo)*. 2014, N 5, P. 3–31. (In Russ.)
- Vlasov A.A., Brega A.V. Crimea and the politics of legitimacy in international relations. *MGIMO review of international relations*. 2018, N 1, P. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-26-41> (In Russ.)